

БЕЗ ЗРИТЕЛЯ

О ЛИЦЕ РАБОЧЕГО ГОРОДА И ЛИЦЕ ЕГО ТЕАТРА

ЖИЗНЬ театра полна загадок. Так, скажем, иной театр начисто отказывается играть пьесы как таковые и без устали ставит нечто вроде литературных монтажей. По всем привычным представлениям прогореть он должен — а не. Билеты нарасхват, администраторы, навлекая на себя гнев пожарников, выстраивают в проходах ряды дополнительных стульев. Другие принципиально ставят именно пьесы. Настоящие, добротные. И тоже — успех!

Парадокс? Скорее половина парадокса. Самое удивительное, когда смотришь в театре отличные пьесы, недурно поставленные и разыгранные, но при соотношении числа исполнителей к числу зрителей примерно как один к одному. Такую картину пришлось мне недавно наблюдать на ряде спектаклей Тульского драматического театра имени М. Горького.

Нет ничего противоестественней картины, нарисованной белым по белому, прицельной стрельбы в бесконечное небо, призыва, обращенного в пустоту, театра, играющего перед свободными креслами...

В Туле «Ночную повесть» польского драматурга К. Хониньского смотрели ровным счетом 42 человека, «Егора Булычова» М. Горького — человек восемьдесят, а «В ночь лунного затмения» М. Карима — порядка ста двадцати.

ПЬЕСА Хониньского остроумна и психологична. Несколько молодчиков на далекой туристской базе третировали в течение ночи случайно оказавшихся там же добропорядочных граждан. Только студент Марек не пожелал переносить унижений, восстав и был убит. Пьеса серьезная, публицистическая, глубокая в своем исследовании причин хулиганства, поднимающаяся до обобщения, проводящая параллель между преступником и фашистом... Тульские артисты разыгрывают ее серьезно, профессионально. Среди них хотелось бы выделить Ю. Сатарова в роли фотографа, который наиболее точно нащупал нерв пьесы. И это не случайно, потому что вместе с В. Асташиным он является режиссером спектакля.

Спектакль продуман, нетороплив, сработан уверенно и добросовестно. Он будоражит зрителя, заставляет его о многом задуматься.

Жаль только зрителя нет...

С большим уважением к литературному первоисточнику поставлен Д. Граниным «Егор Булычов и другие». Тут, правда, уважение граничит даже с некоторой робостью, фантазия режиссера заметно скована, он как бы не осмеливается посмотреть на пьесу свежими, нынешними очами. Оттого и спектакль слишком традиционен, хрестоматичен. Видимо, не было бы смысла вообще затеваться с ним, не имея театр своего замечательного Булычова — народного артиста РСФСР К. Шишкина. Каждая минута пребывания Шишкина на сцене насыщена мыслью, жизнью человеческого духа. Иметь в «Булычове» Булычова — это значит иметь самое главное. Тульский театр драмы имеет такого исполнителя.

А вот зрителя не имеет...

Подобного же масштаба актерская удача украшает следующий спектакль — «В ночь лунного затмения» по пьесе Мустая Карима, поставленной главным режиссером театра заслуженным деятелем искусства РСФСР С. Лазаровым. Я имею в виду исполнительницу главной роли — Танкабике — заслуженную артистку РСФСР Т. Демидову. Трагедия матери, поправшей счастье своих детей ради верности феодальным пережиткам, крах человека, растерявшегося перед тем новым, что родилось в молодом возвышенном сердце ее сына, испуг перед все сокрушающим высоким чувством, которому нет преград и которое не терпит компромиссов — все это сыграно актрисой с трагедийным накалом. Да и в целом спектакль разыгран по-музыкальному точно, с соблюдением всех тех акцентов, которые позволяют донести до зрителя замысел драматурга.

А зрителя нет...

ПОЧЕМУ? От некоторых работников культуры города можно слышать, что Тула, мол, вообще не театралный город. К тому же туляки избалованы гастролерами. Частые гости — московские и ленинградские театры, эстрада, цирк, лучшие солисты лучших филармоний. Так что же тогда — театралный Тула город или не театралный?.. Значит, причина все-таки не здесь. А где?

Следует заметить, что в свое время Тульский областной театр драмы справедливо и много критиковали. За плохой репертуар, за недостаточный сильный состав труппы. В сознании города прочно укоренилось:

«драма у нас плохая». Нынче дела вроде бы обстоит и не так плохо, но зритель, возможно по инерции, своего отношения к театру не меняет. Поэтому сегодня мало показывать хорошие спектакли, нужны, не побоимся этого слова, необычные, взрывные, резко обращающие на себя внимание. Ведь восстанавливать репутацию, известно, гораздо сложнее, чем завоевывать ее попервоначалу...

У всех манекенов одинаковые лица. И никому никогда не придет в голову заинтересоваться таким лицом. Живое же, пусть не столь правильное, но зато со своими, неповторимыми чертами способно вызвать самое горячее, самое трогательное и верное чувство...

Творческий облик театра, о котором идет речь, индивидуальности-то как раз и лишен. Среднетиповой репертуар, среднекондиционная, добротная режиссура, вполне профессиональная, но в массе своей лишенная огонька актерская игра. Отдельные исполнительские удачи только подчеркивают принцип жизни коллектива на сцене. Холодно по одну сторону рамы, не согрето каждое мгновение спектакля горячим дыханием творческого волнения — холодно по другую: в зале. Не согрет он зрительским дыханием и в прямом, и в переносном смысле слова... Вот контакт и не получается. Причины его отсутствия чисто субъективные, и коренятся они в самом театре.

ПОЧТИ напротив театра драмы стоит дом с мемориальной доской, оповещающей, что именно здесь проходила первая репетиция пьесы Льва Толстого «Плоды просвещения» в присутствии автора. А присутствует ли сегодня Лев Толстой в тульской драме? Отсутствует полностью, со всеми своими пьесами, а также романами и повестями, инсценированными и пока еще не инсценированными. А ведь в Ясную Поляну не попадешь, минуя Тулу. Разве плохо, если бы местом паломничества стала не только знаменитая усадьба, а и театр, талантливо и с воодушевлением разыгрывающий произведения великого писателя. Стрэтфорд в Англии, кстати, не столь обширен, как Тула, а знаменит на весь мир своим мемориальным Шекспировским театром...

Но это только один из многих возможных путей обретения своего, неповторимого лица.

Тула с ее заводами, с ее уходящими в глубь русской истории рабочими традициями, традициями пролетарской спайки, мастеровитой смекалки, хватки, умения, весь ее колорит — от принаиков, ружей и самоваров до большой химии, угля, металлургии, не есть ли она сама, жизнь ее людей — великолепный материал для драматургии, для театра! Если только взяться за воплощение этого материала горячо, заинтересованно, с искренним желанием произвести со сцены то слово, которое близко тулякам, которое заденет их за живое, взволнует, заставит полюбить театр, чтобы признали его зрителя среди своих певцов, наставников, воспитателей, тогда не будет такого положения, когда при уличном инциденте между двумя подвыпившими молодцами на недалекой от театра улице присутствовало зрителей больше, чем на следующий день на спектакле о борьбе с хулиганством... Наличие зрительского интереса — то непереносимое условие, при котором только и можно со зрителем работать. Иного не дано. Привычно пустой зал делает существование театра бессмысленным.

Мы говорим: лицо города, характер его людей. Не должен ли и театр города носить на себе вполне свои, только ему одному присущие черты, которые сближали бы его с городом! Чтобы обвести их, необходим трудолюбивый поиск — режиссуры, репертуара. Причем своего, а не заемного. А если и брать что-то из репертуара других, то уж точно быть уверенным, что заемное будет принято в Туле, как свое. К сожалению, постоянного актива собственных драматургов у театра нет.

Подобный разговор имеет, очевидно, отношение не только к этому театру. Лекарство тут одно — подлинно творческое, высоко ответственное отношение к делу со стороны тех, кому доверены областные обители Мельпомены.

Коллектив Тульского областного драматического театра в состоянии создавать спектакли, которые нигде не стыдно показать. Это факт. А значит, есть в нем силы, чтобы переломить недоверие зрителя. Тогда в кассе никогда не останутся «лишние билетик».

Даль ОРЛОВ.
(Свед. корр. «Труда»).

ТУЛА.

ТРУД

3 ИЮН 1967